

СИСТЕМНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ РОССИЙСКО- ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации [МГИМО] всегда отличался наличием крупных специалистов по германской истории. В их ряду достойное место занимает доктор исторических наук, профессор Николай Валентинович Павлов. Для него МГИМО и альма-матер, и нынешнее место работы. В рамках проекта сотрудничества МГИМО – БиПи в самом начале 2017 г. было осуществлено издание фундаментальной монографии Н.В. Павлова “Россия и Германия: несостоявшийся альянс”¹. Видный российский учёный посвящает настоящее научное издание своей альма-матер.

Монография состоит из предисловия, 11 глав, заключения, источников и литературы. Каждый из 14 структурных компонентов достоин того, чтобы быть оцененным в рецензии.

В предисловии раскрыта актуальность темы, обозначено проблемное поле монографического исследования, показан теоретико-методологический инструментарий.

Квинтэссенция содержания монографии чётко прослеживается в следующем пассаже: “Россия и Германия, русские и немцы – два народа, две культуры, два общества, две судьбы постоянно пересекались во времени и пространстве, порой сотрясая основы европейской цивилизации. Что это было – запрограммированное соперничество, логичное партнёрство или случайное стечение обстоятельств? Чего нам ждать от этого взаимодействия в ближайшей и отдалённой перспективе? Кто мы, наконец, – извечные соперники или все-таки стратегические

партнёры, радеющие за новое совместное будущее? На эти вопросы автор попытался ответить в представленном на суд читателя исследовании, посвященном истории, состоянию и перспективам российско-германских отношений” (с. 10).

Первая глава называется так: “Становление русско-германских контактов: от Киевской Руси до возвышения Московского царства (IX–XVII вв.)”.

Решая вопрос о хронологических рамках русско-германских контактов, учёный сразу же определяется с их субъектами. До образования государств речь шла о фрагментарных, аритмичных, лишённых какой-либо регулярности, систематичности контактах.

С Н.В. Павловым можно согласиться в том, что “фактически начало русско-германских контактов можно датировать IX в. н.э., т.е. учреждением государственности на германской и российской земле” (с. 13).

Вместе с тем рецензент не мог не задуматься над тем, как российский исследователь продолжал свою мысль: “Этот первый в истории русских и немцев период общения вбирает в себя как историю Киевской Руси и феодальной раздробленности, так и начальную фазу становления Московского государства, включая время Великой смуты, и “собираение” русских земель московскими князьями” (с. 13). Можно ли отождествлять русско-германские контакты с германским вектором контактов Киевской Руси? Конечно же, нет. Киевская Русь была лоскутным, рыхлым образованием, в рамках которого можно проследить первые опыты белорусской, украинской государственности, истоки российской государственности. Первые опыты белорусской государственности связаны, прежде всего, с Полоцким княжеством, украинской государственности – с Киевским княжеством, истоки российской государст-

¹ Павлов Н.В. (2017) Россия и Германия: несостоявшийся альянс (история с продолжением): Научное издание / Н. В. Павлов. — М.: Издательство “Аспект Пресс”. — 560 с.

венности – с Новгородским княжеством. Рецензенту, конечно же, ближе всего история белорусской государственности, и он, естественно, не согласен с тем, что Н.В. Павлов включает в русско-германские контакты мирный и торговый договоры Полоцка с Ганзой (с. 44). Касательно остальных вех первого периода русско-германских контактов всё сформулировано корректно.

Вторая глава всецело посвящена российско-германским отношениям в начале эпохи Романовых. Она охватывает время от первого царя из этой династии Михаила до восшествия на престол Екатерины II. Профессор МГИМО чётко подметил, что “общим для этого периода ... является формирование на регулярной основе структуры русско-германских отношений, которая включала в себя, во-первых, династические узы и в определённом смысле “германизацию” России ..., во-вторых, военно-политическое сотрудничество, в-третьих, расширение торгово-экономических связей, в-четвёртых, углубление технического и культурного взаимодействия” (с. 50).

Третья глава называется так: “Российско-германские отношения при Екатерине II: три раздела Польши”. С выражением “три раздела Польши” можно и нужно поспорить. В любом энциклопедическом справочнике можно прочитать: “Речь Посполитая обоих народов – федерация Королевства Польского и Великого княжества Литовского, возникшая в результате Люблинской унии в 1569 г. и ликвидированная в 1795 г. с разделом государства между Россией, Пруссией и Австрией”. В 1795 г. был последний, третий раздел Речи Посполитой обоих народов. Первый раздел, осуществлённый между теми же государствами, произошёл в 1772 г. Субъекты датированного 1793 г. второго раздела: Россия, Пруссия. Королевство Польское было составной частью Речи Посполитой обоих народов и потому безукоризненным выглядело бы такое название третьей главы: “Российско-германские отношения при Екатерине II: три раздела Речи Посполитой обоих народов”.

Если бы профессор МГИМО разбирал в третьей главе российско-германские отношения при Екатерине II только в контексте трёх разделов Речи Посполитой обоих народов, то реальное содержание данной главы

полностью совпало бы с её названием. Это элементарное требование, не вызывающее абсолютно никаких возражений. Что же выявил рецензент? Глава открывается безымянной вводной частью, затем идут следующие параграфы: “Курс на союз с Пруссией”, “Делёж Польши”, “Немецкий фактор во внутренней политике Российской империи”. Как видим, не все параграфы имеют отношение к проблемному полю, которое коррелируется с названием третьей главы. Последний из перечисленных параграфов полностью выпадает из этого проблемного поля. Более того, он охватывает весь XVIII век и весь XIX век. Хорошо известно, что Екатерина II царствовала с 1762 по 1795 год.

И всё же третью главу нельзя однозначно оценивать как неудачную.

Весьма удачно раскрыт геополитический аспект российско-прусского союза в контексте разделов Речи Посполитой. Автор показывает, что в результате этих разделов возросла общность геополитических интересов Петербурга и Берлина, резко усилились позиции Пруссии как центрально-европейского центра силы, с Россией стали больше считаться ключевые игроки на европейской политической сцене.

Н.В. Павлов впервые в постсоветской историографии обратил внимание на то, что с третьим разделом генетически связан целый проблемный комплекс, над снятием которого целых 20 лет были сконцентрированы в своём взаимодействии Петербург и Берлин. Точка будет поставлена только на Венском конгрессе 1815 года.

С интересом читаются строки, в которых в рамках указанного проблемного комплекса рассматривается “закрепление в 1815 году ... общей русско-германской границы” (с. 116). Проницательный читатель, конечно же, задаст вопрос: “А что же было дальше?” Видный учёный даёт на него исчерпывающий ответ: “Ликвидированная в начале Первой мировой войны общая русско-германская граница ... была восстановлена спустя четверть века – 17 сентября 1939 г., в самом начале Второй мировой войны, и просуществовала всего 22 месяца. После этого Россия и Германия уже никогда не граничили друг с другом: их пограничный опыт равен 127 годам из 475 лет, т.е. 31% их внешнеполитических отношений” (с. 116).

Третья глава также ценна эксклюзивной и в то же время очень интересной фактурой. Российский коллега открыл для рецензента следующие факты такого рода.

“В середине XIX века не менее 15% высших постов в российском государственном аппарате занимали немцы-лютеране. Согласно первой переписи населения, проведённой в 1897 г., в России насчитывалось 1 790 489 российских подданных немецкого происхождения ... Среди них 50 тыс. имели высшее образование, 35 тыс. находились на военной и государственной службе. В какой-то период в немецких руках находилось 57% руководящих постов в Министерстве иностранных дел, 46% – в Военном министерстве, 62% – в Министерстве по делам почты. Из 6061 соотечественника, получившего с 1830 по 1890 г. звание “почётного гражданина” России, 954 человека (т.е. 16 из 100) были немцы” (с. 130).

В четвёртой главе прослеживаются российско-германские отношения от царствования Павла I до объединения Германии в 1871 году. Судя по содержанию главы, эти отношения включали ряд аспектов. Наиболее удачно освещены два аспекта: 1) российско-пруссские отношения в период наполеоновских войн; 2) российско-пруссские отношения в период войн, которые вёл Бисмарк с целью объединения Германии.

Хронологические рамки наполеоновских войн хорошо известны: ноябрь 1799 – июнь 1815 гг. За это время Наполеон будет неоднократно делать развороты на 180 градусов и в отношении России, и в отношении Пруссии. В эти хронологические рамки войдут и политические кульбиты, которые совершали в двусторонних отношениях Петербург и Берлин. Создаётся впечатление, что российский коллега весьма успешно разобрался в политических лабиринтах, на которых завязан первый аспект. Ключевой вывод по первому аспекту таков: “Освободительная борьба европейских государств против нашествия Наполеона в начале XIX века... доказала, что русские и немцы являются стратегическими союзниками, что в основном от их согласия зависят мир и спокойствие на континенте” (с. 150).

Узловая сюжетная линия при освещении второго аспекта: Бисмарк и Россия. Бисмарк

прекрасно понимал, что для достижения объединения Германии важнейшее значение будет иметь поддержка со стороны России. Он отлично вёл дипломатическую игру на российском направлении и добился своего. Сказывались, конечно, и опыт работы прусским посланником в Петербурге, и знание русского языка, и умение договориться с архитектором внешней политики российского государства А.М. Горчаковым. Есть все основания полностью присоединиться к следующему утверждению Н.В. Павлова: “Не было бы русской поддержки в отношении Пруссии, не было бы и германского объединения. Россия надёжно прикрывала прусский тыл” (с. 166).

В пятой главе детально анализируются отношения между Российской и Германской империями в 1871–1914 гг. Российский учёный показывает, что они различались в эпоху Бисмарка и в эпоху Вильгельма II. При этом принципиальное отличие касалось соответствия проводимой Берлином политики российским национальным интересам. Именно в эпоху Вильгельма II был образован антироссийский по своей направленности Тройственный союз в составе Австро-Венгрии, Германии, Италии. Его противоречия с Антантой, в которую входила Россия, привели к Первой мировой войне. Профессор МГИМО пишет: “Сбылось самое худшее опасение Отто фон Бисмарка, предупреждавшего в своё время о разного рода “глупостях” и “династических промахах”, которые могли привести к войне между Германией и Россией” (с. 212). Выражение “глупости” и “династические промахи” вполне уместно. Российский учёный отлично показал, что, собственно, между Россией и Германией не было фундаментальных противоречий накануне войны. Он убедительно доказал, что на этот момент не существовало значительных препятствий для того, чтобы Германия и Россия “проводили относительно независимую политику на периферии их национально-государственных интересов... сосредоточивались на сохранении статус-кво в центре (европейского. – М.С.) континента” (с. 213).

В шестой главе рассматриваются два проблемных блока: 1) двусторонние отношения в период Первой мировой войны и революций в России и Германии; 2) совет-

ско-германские отношения в период существования первой германской республики.

По первому проблемному блоку вклад автора в науку прослеживается при анализе связей германского МИД и Верховного командования сухопутных сил с большевиками-ленинцами. Н.В. Павлов убедительно доказал, что “до тех пор пока Ленин делал то, чего от него ожидало германское руководство, он “объективно” действовал как агент влияния Германии” (с. 228).

Касательно второго блока выделяются дорапалльский и пострапалльский этапы в двусторонних отношениях. Такая периодизация является традиционной в историографии. Повторен и укоренившийся в историографии вывод о том, что Рапалльский договор придал динамику советско-германским отношениям по всем направлениям.

Вместе с тем Н.В. Павлов оригинально соотнёс линию полностью подконтрольного Москве Коминтерна в отношении Германии и германский вектор деятельности Народного комиссариата иностранных дел СССР. Если первая линия была завязана на стремлении экспортировать социалистическую революцию в Веймарскую Германию, то вторая отличалась здоровым прагматизмом, отсутствием жёсткой ставки на идеологизацию международных отношений. Профессор МГИМО глубоко прав, утверждая, что “этот дуализм советской внешнеполитической стратегии ... не позволил двусторонним отношениям выйти на уровень партнёрства, свойственного союзникам” (с. 252).

Седьмая глава посвящена советско-германским отношениям в 1933–1945 гг. Она в хронологическом плане совпадает со временем существования Третьего рейха. Н.В. Павлов убедительно доказал, что “вплоть до нападения Третьего рейха на Советский Союз идея фикс Сталина, несмотря на жёсткое идеологическое противоборство с фашизмом, было желание наладить политический диалог с Германией и, соответственно, улучшить двусторонние отношения. Именно в военно-экономической и политической поддержке нацистской Германии он видел залог безопасности СССР, а также возможность наращивания военной мощи и влияния Москвы на международной арене” (с. 272).

Подкреплялась ли эта идея фикс реалиями? Для ответа на данный вопрос надо вы-

делить два периода в советско-германских отношениях 1933–1941 гг. Рубеж, который их разделяет, – советско-германские договорённости 1939 года.

В рамках первого периода был вполне очевиден отход от тех рубежей, на которые стороны вышли под конец существования Веймарской Германии. Для иллюстрации сказанного достаточно показать сползание по наклонной в торгово-экономической сфере. “В 1932–1939 гг. германский экспорт в СССР сократился с 626 до 31 млн рейхсмарок, т.е. в 20,2 раза, а импорт из СССР за тот же период – с 271 до 30 млн рейхсмарок, т.е. в девять раз” (с. 272).

Н.В. Павлов показывает, что в рамках первого периода советское руководство отнюдь не представляло собой единый прогерманский монолит. Так, убеждённым западником был народный комиссар иностранных дел М.М. Литвинов. Попутно заметим, что на странице 267 автор называет его министром иностранных дел. Известно, что НКВД будет переименован в МИД только в 1946 г., то есть спустя семь лет после того, как Сталин сместит Литвинова с поста главного советского дипломата и назначит на этот пост представителя прогерманской партии В.М. Молотова. По образному выражению московского профессора, это назначение создало ключевую предпосылку для “сговора сатаны с дьяволом” (с. 286). Лучшей оценки пакта Молотова – Риббентропа невозможно придумать.

После подписания пакта Молотова–Риббентропа в геометрической прогрессии нарастало опустившееся в середине 1930-х годов до нулевой отметки военное сотрудничество, наблюдалась впечатляющая динамика в торгово-экономической сфере, чётко прослеживалось беспрецедентное взаимодействие военно-промышленных комплексов.

Автор справедливо утверждает, что “нападение Германии на СССР поставило Сталина именно в то положение, которого он хотел избежать путём заключения пакта с Гитлером. И главными причинами этого стали догматическое мировоззрение советского вождя, слишком рациональная оценка действий Гитлера на международной арене, пренебрежение основными принципами политики безопасности и требованиями обороны страны в угоду интересам территориаль-

ного расширения державы и сферы её идеологического влияния” (с. 297).

У российского учёного получились многоплановыми рассуждения об итогах и уроках Второй мировой войны в контексте советско-германских отношений. Читаешь эти рассуждения и ловишь себя на мысли, что автор буквально впитал в себя классическое изречение А.П. Чехова: “Краткость – сестра таланта”. Рассуждения лаконичные и в то же время ёмкие, цельные, лишённые обтекаемости. Нет в них никакой ангажированности. Перед нами не пророссийский, не прозападный, не прогерманский автор, а строго приверженный принципу объективности исследователь. Той объективности, которой не хватает многим участникам дискуссий об итогах и уроках Второй мировой войны.

В процессе ознакомления с содержанием восьмой главы читатель получает цельное представление о западногерманском векторе внешней политики СССР в период раздельного существования двух германских государств. Этот вектор “был детерминирован, во-первых, общим состоянием международной обстановки, во-вторых, зависел от климата отношений между СССР и США, в-третьих, – от состояния связей в треугольнике ФРГ – ГДР – СССР” (с. 313–314).

Точка отсчёта данного вектора совпадает с разгаром холодной войны. Первый канцлер ФРГ К. Аденауэр, с которым Москва имела дело в 1949–1963 гг., был жёстко зациклен на мышлении категориями этой войны. Советское руководство с порога отвергало его формулу: сначала объединение по-боннски, а потом разрядка. Не устраивало СССР и такое обстоятельство. “Аденауэра абсолютно не интересовал диалог со странами Восточной Европы, которые, будучи сателлитами Советского Союза, как он считал, не могут проводить самостоятельную внешнюю политику. Вектор “восточной политики” ФРГ был направлен исключительно на Москву” (с. 320).

Заметим, что с 1961 года министром иностранных дел ФРГ был Г. Шрёдер, у которого были серьёзные разногласия с Аденауэром по данному вопросу. Первым звонком о наличии именно таких разногласий явилось выступление главы внешнеполитического ведомства на съезде Христианско-

демократического союза (ХДС) ФРГ в 1962 году. Председатель ХДС Аденауэр услышал из уст члена своего кабинета формулу “изменение через сближение”, которая объективно уменьшала дистанцию между СССР и ФРГ. Кстати, через год с развёрнутым обоснованием этой формулы выступит в Евангелической академии в Тутцинге ближайший сподвижник бургомистра Западного Берлина Вилли Брандта Эгон Бар. Брандт и Бар представляли тогда оппозиционную Социал-демократическую партию Германии (СДПГ).

Речь Бара в Тутцинге произносилась в год, когда Аденауэр покинул капитанский мостик западногерманской политики. Правда, коалиция в составе ХДС/ХСС/СвДП продолжала нести правительственную ответственность. Новым канцлером стал Людвиг Эрхард. Шрёдер остался на своём посту. Эрхард соглашался с подходами Шрёдера. “Кабинет Эрхарда/Шрёдера очень осторожно начал поворачиваться в сторону Восточной Европы. Правительство демохристиан пыталось увязать установку на разрядку, исходившие от президента (США. – М.С.) Джонсона с историческими немецкими интересами на Востоке” (с. 320).

Конечно, будет правильным считать, что этот кабинет сделал первый шаг к разрядке. Нельзя не оценить положительно и исходившее от данного кабинета предложение “Советскому Союзу и другим европейским государствам обменяться заявлениями об отказе от применения силы” (с. 321).

Вместе с тем до активных разрядочных процессов было ещё далеко. В Кремле были явно не довольны тем, что кабинет Эрхарда/Шрёдера продемонстрировал преемственность с эрой Аденауэра в той части, которая касалась вынесения за скобки “признания нерушимости границ ... и признания ГДР” (с. 321).

Не было активных разрядочных процессов и в период правления первой в истории ФРГ “большой коалиции”. Вместе с тем Н.В. Павлов убедительно доказывает, что “социал-либеральная коалиция не смогла бы начать в 1969 г. свою новую “восточную” и “германскую” политику, не будь прелюдии со стороны “большой коалиции” (с. 322).

Хорошо известно, что социал-либеральная коалиция правила в ФРГ с 1969 по 1982 г. Она была образована СДПГ и

Свободной демократической партией. В 1969–1974 гг. канцлером ФРГ был председатель СДПГ В. Брандт, председатель СвДП В. Шеель занимал посты вице-канцлера, министра иностранных дел. Этот отрезок времени вполне уместно отождествить с первым этапом в истории социал-либеральной коалиции. Второй этап датируется 1974–1982 гг. Это эра заместителя председателя СДПГ Г. Шмидта. Последний возглавлял высший орган исполнительной власти ФРГ. Преемником В. Шееля на всех перечисленных постах был Г.-Д. Геншер.

Именно с социал-либеральной коалицией связано «подписание 12 августа 1970 г. в Москве исторического договора между СССР и ФРГ» [1, с. 329]. Свои автографы под договором поставили В. Брандт и глава правительства СССР А.Н. Косыгин. В монографии капитально исследуются предыстория, содержание договора, его международно-политические последствия. В ней впервые в исторической германистике детально показано, как в переговорном процессе обсуждались «проблемы согласования Московского договора с четырёхсторонним документом по Западному Берлину» (с. 329), осуществлено сравнение позиций блока ХДС/ХСС и социал-либеральной коалиции по отношению к Московскому договору с точки зрения правовой корректности. Прилагательное «исторический» наиболее точно отражает истинную значимость договора. В монографии читаем: «В соответствии с принципами Устава ООН он предусматривал решение спорных вопросов исключительно мирными средствами. СССР и ФРГ обязались воздерживаться от угрозы силой или её применения; они заявили, что не имеют каких-либо территориальных претензий к кому бы то ни было и не будут выдвигать такие претензии в будущем; признали нерушимыми сейчас и в будущем границы всех государств в Европе, как они проходили на день подписания договора, в том числе линию Одер-Нейсе, которая является границей Польской Народной Республики, и границу между ФРГ и ГДР» (с. 329), Несомненно, что Московский договор – самый важный результат политики социал-либеральной коалиции на советском направлении. Без него были бы невозможны договоры между ФРГ и ПНР, ФРГ и ГДР, ФРГ и ЧССР, Четырёх-

стороннее соглашение по Западному Берлину. Все перечисленные нормативно-правовые акты, вместе взятые, образовали юридический фундамент новой «восточной» и «германской» политики.

Одним из её разработчиков был преемник В. Брандта на посту федерального канцлера Г. Шмидт. Естественно, что, став главой высшего органа исполнительной власти ФРГ, он выступил продолжателем этой политики. Вместе с тем пятый в истории ФРГ канцлер вынужден был учитывать отход от разрядки, который стал проследиваться с середины 1970-х гг. В этой связи у него были небеспочвенные претензии к СССР. «Ядерное превосходство СССР в Европе становилось всё большим... СССР не проявлял готовности понизить свой уровень обычных вооружений в Европе» (с. 338). К этому можно добавить и вторжение советских войск в Афганистан, и отмеченное дестабилизирующими последствиями вмешательство СССР во внутренние дела африканских стран, и союз Москвы с организациями, которые вели себя как самые настоящие террористические группировки. Конечно, справедливости ради надо сказать, что и поведение США и их ближайших союзников на международной арене не было идеальным. И с их стороны не раз и не два совершались действия, заслуживающие осуждения. Решая уравнения со многими неизвестными, социал-демократический канцлер добился того, что именно «при ... (нём. – М.С.) ФРГ стала главным звеном в западноевропейской политике СССР. Чем враждебнее становились отношения между сверхдержавами, тем больше возрастал вес Федеративной Республики в запутанном клубке отношений между Востоком и Западом» (с. 338).

В это непростое время Шмидт четырежды встречался с высшим советским руководством (1978, 1979, 1980, 1981 гг.). Оно резко отличалось от того времени, когда Шмидт нанёс в Москву свой первый визит в качестве канцлера. Это был 1974 год. Тогда разрядочные процессы активно устремлялись к своей кульминации, выразившейся в Обще-европейском совещании по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе, на котором был подписан Заключительный акт. Можно утверждать, что если бы в 1978–1981 гг. советские партнёры по переговор-

ному процессу согласились бы с фундаментально обоснованными соображениями, высказанными пятым канцлером ФРГ, мир был бы во многом иным. Судя по содержанию соответствующей части восьмой главы, эти соображения касались, прежде всего, проблем разоружения и контроля над вооружениями. Так оно и было. Правда, автору надо было сказать об имиджевых, экономических потерях, ставших следствием деструктивных подходов Кремля к этим проблемам. Например, 30 июня 1980 года Шмидт убеждал советское руководство объявить мораторий на развёртывание ракет “СС-20” в европейской части СССР. Если бы Кремль тогда согласился, можно было бы избежать немало подобных потерь. Рецензент надеется, что обо всём этом уважаемый Николай Валентинович скажет во втором издании монографии, если таковое будет иметь место.

Когда на смену Шмидту пришёл Коля, происходило резкое усиление ракетного кризиса и, естественно, мир оказался у опасной черты. До прихода к власти в СССР Горбачёва именно ракетный кризис был главным проблемным комплексом в советско-западногерманских отношениях.

Профессор МГИМО очень удачно показывает, как этот и иные комплексы в данных отношениях снимались благодаря новому политическому мышлению, на которое ориентировалась команда М.С. Горбачёва. Представляется принципиально важным показ автором эволюции Коля в оценках Горбачёва. Вначале будет “сравнение Горбачёва с Геббельсом” (с. 344), затем последуют более осторожные оценки и, наконец, наступит уверенность в партнёре, которому можно доверять.

Содержательную сторону девятой главы составляют деятельность Советской военной администрации в Германии (СВАГ), отношения между СССР и Германской Демократической Республикой (ГДР).

Есть основания признать вполне удовлетворительным сравнительный анализ деятельности СВАГ и политики США, Великобритании, Франции в своих оккупационных зонах. С учётом расширившейся в последние годы источниковой базы сравнению были подвергнуты все значимые аспекты. Российский учёный убедительно доказал,

что “шаги западных союзников по расколу Германии не оставляли Советскому Союзу иной альтернативы, как действовать аналогичным образом” (с. 375).

Реализуя принцип историзма, автор монографии рассматривает отношения между СССР и ГДР сначала в контексте эры В. Ульбрихта, а затем в контексте эры Э. Хонеккера. Обе эти эры объединяют базисные признаки модели государственно-монополистического социализма, экспортированной в Восточную Германию Советским Союзом. Но есть и различия, исчерпывающе выявленные профессором МГИМО.

Для эры В. Ульбрихта характерно “слепое копирование властями ГДР советской командно-административной системы, что выразилось в выдвинутом СЕПГ в июне 1951 г. лозунге “Учиться у Советского Союза – значит учиться побеждать!” (с. 382). Научились ли лидеры СЕПГ побеждать? Соревнование с социальной рыночной экономикой, которая прочно утвердилась в ФРГ, однозначно проигрывали. Об этом свидетельствовали и народное восстание в ГДР 1953 года, и массовое бегство восточных германцев в ФРГ, которое подвигло В. Ульбрихта к идее возведения Берлинской стены. Конечно, нельзя отрицать, что “Берлинская стена ... стала важной предпосылкой для экономического подъёма и повышения жизненного уровня в стране” (с. 387). Правда, соответствующие показатели не шли ни в какое сравнение с социально-экономическими реалиями в ФРГ и средне-статистический восточный германец по-прежнему внутренне противился проводимой СЕПГ политике. “Фактически с 1961 г. в ГДР началась фаза реальной интеграции населения в навязанную ему систему, поскольку никакой альтернативы у него не было” (с. 387).

Российский учёный показывает, что именно в эру В. Ульбрихта “ГДР стала основным стратегическим союзником СССР ... Это позволило ей занять в рамках восточного блока более привилегированное положение ... и получать более значительную помощь по сравнению с другими его членами. Обратной стороной этой медали была сильная зависимость от Москвы в военном, политическом и отчасти экономическом отношении” (с. 388).

Главной опорой режима В. Ульбрихта являлась Группа советских войск в Германии (ГСВГ). Понимая это, В. Ульбрихт не соглашался с возможным распространением мер военной разрядки на ГСВГ. ГСВГ подавляла народное восстание в ГДР 1953 года, была активно причастна к возведению Берлинской стены. Фактор ГСВГ в двусторонних отношениях усилился после того, как «Москва в полном объёме включила ГДР в систему двусторонних военно-политических пактов» (с. 388).

В 1971 году эра Ульбрихта сменилась эрой Хонеккера, которая продолжалась 18 лет. «Новым важным моментом этого периода стал отход от слепого копирования советской системы» (с. 392). Н.В. Павлов обращает внимание на то, что «это выразилось в разработке идеологии «национального социализма» – «социализма в цветах ГДР» (IX съезд СЕПГ – 1976 г.)» (с. 392). Более того, «в 80-е годы руководство ГДР вообще стало претендовать на исповедание «самой чистой идеи социализма» – истины в последней инстанции» (с. 392). Профессор МГИМО показывает, что это исповедание продолжалось и тогда, когда в СССР развернулась горбачёвская перестройка. Её неприятие Хонеккером и его окружением предопределило возникновение коллизий между СССР и ГДР.

Н.В. Павлов впервые в постсоветской исторической германистике сделал вывод о том, что подход руководства ГДР к отношениям с капиталистическими странами в первой половине 1980-х гг. был более реалистичным по сравнению с советским руководством. У Восточного Берлина верх взял «прагматический подход ... в основе которого лежала разработанная в 1981–1983 гг. концепция создания международной «коалиции разума и реализма» (с. 397).

Октябрьская революция 1989 г. маркировала завершение эры Хонеккера, начало последнего этапа в отношениях между СССР и ГДР, продолжавшегося до исчезновения ГДР с политической карты мира. С учётом содержания десятой главы автор ограничивается хроникой, относящейся к этому этапу (с. 412–413), что, на наш взгляд, вполне правомерно.

В десятой главе прослеживаются наиболее значимые сюжеты, связанные с отношением СССР к германскому вопросу.

Советская историография однозначно утверждала, что СССР всегда был за сохранение единой, неделимой Германии, что эта позиция была неизменной как во время Великой Отечественной войны, так и в послевоенный период. Автор монографии ставит под сомнение это утверждение, приводя мощные аргументы. Он опирается на рассекреченные в постсоветский период документы, ознакомление с содержанием которых позволяет делать следующие выводы.

Сформулированное Сталиным в самом начале Великой Отечественной войны «требование расчленения Германии ... на протяжении всей войны было постоянной частью планирования Наркоминдела в отношении Германии. Раздел Германии для Сталина был условием лишения её могущества, дополненного требованием всестороннего разоружения. Обе эти цели имели принципиальное значение в разработке советской внешней политики» (с. 417).

Николай Валентинович убедителен и оригинален, объясняя, почему после окончания Второй мировой войны решение германского вопроса растянулось на целых 45 лет.

Учёный «выделяет несколько периодов в эволюции германского вопроса после Потсдамской конференции, которые характеризуются, во-первых, механизмом, во-вторых, подходами к его эвентуальному решению» (с. 425). Обобщая три периода, вместе охватывающие 1945–1970 гг., он с сожалением констатирует: «Идея объединения Германии при конструктивном участии всех шести заинтересованных сторон была похоронена на долгие годы» (с. 437). При этом Н.В. Павлов доказывает, что дефицит конструктивности у советской стороны был не больший, чем у США, Великобритании, Франции, ФРГ, ГДР.

В монографии системно проанализированы переговоры по формуле «два плюс четыре», приведшие к подписанию 12 сентября 1990 г. Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии. Николай Валентинович мастерски подводит читателя к выводу о том, что этот договор, давший зелёный свет объединению Германии, соответствовал национальным интересам СССР.

Одиннадцатая глава посвящена отношениям России и Германии в постбиполярном мире.

Автор показывает, что “став принципиально новыми субъектами международного права, постсоветская Россия и объединённая Германия сначала прошли период адаптации друг к другу” (с. 475). После адаптации чётко прослеживалась поступательность в двусторонних отношениях, достигнутая, прежде всего, благодаря отличным личным отношениям между объединителем Германии федеральным канцлером Коелем и первым российским президентом Ельциным. После ухода обоих с политического олимпа развитие двусторонних отношений напоминало движение по ступенькам вниз. Именно такое движение резко ускорило на современном этапе российско-германских отношений, который начался весной 2014 г. в связи с присоединением к России Крыма, возникновением вооружённого конфликта на юго-востоке Украины.

Очень метким получилось название заключения: “Россия и Германия – несостоявшийся альянс”. Рецензент с этим полностью согласен. Но не надо впадать в крайности. Очень правильно, что Н.В. Павлов заканчивает монографию на позитивной ноте. Он пишет: “Для плодотворного взаимодействия наших стран и народов у нас имеется богатый исторический опыт и достаточно прочный

запас терпимости и уважения при всём различии национальных характеров” (с. 549).

Последний структурный компонент книги: источники и литература. Источники делятся на мемуары и сборники документов. В блоке “Литература” представлены советская историография, постсоветская историография, германская историография. Можно однозначно утверждать, что учтены наиболее значимые мемуары, сборники документов, научные труды.

Перечисленные позиции дают все основания считать, что монография решает крупную научную проблему. В то же время её автор обозначил важные проблемы, над которыми ещё предстоит работать научному сообществу. Ряд выводов и оценок, содержащихся в монографии, дают основание для внесения корректив в разделы учебных пособий по новейшей истории стран Европы и Америки. Монография, несомненно, способствует обогащению представлений о социокультурном аспекте при исследовании международных отношений, без адекватного понимания которого не может обойтись ни один исследователь политических процессов в новейшее время. Настоящий труд обязательно заинтересует практических работников, задействованных на германском направлении внешней политики Российской Федерации.

М.В. Стрелец, профессор,
доктор исторических наук, Брестский
государственный технический университет.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Сегодня, в условиях обострившегося кризиса во взаимоотношениях Российской Федерации (РФ) и Европейского Союза (ЕС) на региональном уровне, а в более широком или глобальном масштабе – резкого сокращения контактов нашей страны со странами Запада, рецензируемая монография доктора исторических наук, профессора РАН и директора Института всеобщей

истории РАН М.А. Липкина¹, представляет научный интерес в силу целого ряда обстоятельств. Во-первых, обращение к истории развития интеграционных процессов в

¹ Липкин М.А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х – конец 1960-годов. М., Университет Дмитрия Пожарского, 2016. 559 с.

Европе в первое двадцатилетие после Второй мировой войны и анализ позиции СССР в отношении этих процессов в то время позволяет расширить горизонт оценочных суждений о нынешних событиях, уловить в них некие параллели с прошлым на новом витке мировой политики. В этой связи хотелось бы напомнить часто цитируемое в нашей литературе утверждение видного советского и российского историка А.Я. Гуревича о том, что «историческое познание есть не что иное, как пытлиное, настойчивое и неустанное вопрошание современностью прошлого, то есть постановка вопросов, волнующих нас, ныне живущих людей»¹. То, что в своей книге М.А. Липкин предстаёт в роли такого пытливого и настойчивого исследователя, подтверждает факт использования им материалов одиннадцати (семи российских и четырёх зарубежных) архивов, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот. Во-вторых, основанный на обширном фактическом материале, рецензируемый труд рассматривает критически как политический курс СССР, так и стран Запада, причём не только европейских, но и США. И в то же время М.А. Липкин старается не навязывать читателю категоричных утверждений, а пытается понять и объяснить стратегические замыслы главных стран, вскрыть логику и специфику поведения государственных руководителей СССР. В-третьих, исследовательский подход М.А. Липкина сводится главным образом к анализу такого малоизученного в отечественной литературе состояния биполярного мира, как «экономическая холодная война», по причине которой, как он не без основания замечает, в Европе «экономический раскол произошёл гораздо раньше военно-блокового оформления холодной войны» (с. 111). Такая новая постановка проблемы служит важным дополнением политической, идеологической, военной составляющих холодной войны в мире, длившейся без

малою пятьдесят лет и прошедшей в своём развитии несколько этапов.

Следуя своему замыслу, автор вводит заслуживающую признания периодизацию «включённости» СССР в интеграционные процессы в Европе, вынесенную в заголовки четырёх глав книги, ключевыми определениями в которых звучат такие: «перспективы послевоенной интеграции»; «советская политика в области международной торговли»; эпоха «мирного сосуществования»; «время концентрации». Понятно, что автору не удалось избежать хронометрии, что вполне справедливо. Сконцентрировав внимание по главам на 4 периодах: 1940-х; начале 1950-х; середине 1950-х – середине 1960-х; второй половине 1960-х гг., М.А. Липкин в развёрнутом названии каждой главы уже, по сути, обозначает главную проблему, над решением которой трудились государственные политики и интеллектуальное сообщество СССР и стран Запада, нащупывая и определяя пути и возможности взаимодействия в послевоенном мире.

Давая общую оценку стратегическим замыслам советского руководства по мере развития интеграционных процессов, М.А. Липкин не ограничивается чисто европейским континентом. В книге уделено внимание «китайскому вектору» (с. 210–217, 330–336, 468–479). Критический подход автора позволил доказать, что в 1960-е гг. на этом направлении преобладали соображения «геополитического порядка над экономической выгодой и экономическими расчётами» (с. 468).

Несомненным достоинством монографии М.А. Липкина является то, что знакомство с текстом наводит на размышление над рядом таких вопросов, которые и сегодня рефлексиируют в процессе межгосударственных, региональных и глобальных контактов в мировом сообществе. Актуально звучат в контексте отношения нашей страны к интеграционным процессам в Европе вопросы о *парадигмальной основе сотрудничества* и вытекающих из неё *упущенных шансах*, об *отношениях между властью и*

¹ См., например: Гуревич А.Я. История – нескончаемый спор. М. РГГУ, 2005. С. 510.

обществом, в том числе научными кругами, о разногласиях и дискуссиях в правительственном аппарате СССР, о взаимном недоверии между странами, наконец, о том, насколько зависит выстраиваемый политический курс страны от субъективно-личностных подходов отдельных государственных лидеров. Не вдаваясь в детальный пересказ книги, предоставим каждому читателю возможность после вдумчивого прочтения самостоятельно порассуждать над вышеобозначенными проблемами. А возвращаясь к рецензируемой монографии, отметим, что автор, признавая, что в СССР “делался акцент на идеологическом компоненте – на неприятии любых идей “Соединённых Штатов Европы”, исходя из ленинского тезиса о том, что при капитализме они изначально либо невозможны, либо реакционны” (с. 54, 162), на основании скрупулёзного анализа по документам “зигзагов советской и западной дипломатии” (с. 103) в восприятии различных объединительных инициатив в Европе, пришёл к выводу о том, что “постепенно происходит процесс переосмысления такой однозначной трактовки...и поднималась тема возможных будущих общеевропейских структур” (с. 54–55). М.А. Липкин настаивает на проявлении этой тенденции уже во второй половине 1940-х гг., говоря о “ключевых задачах” (с. 83) советского правительства, подмечая при этом, что некоторые документы говорят “о скрытом сопротивлении в 1947 году советских чиновников повороту СССР к экономической автаркии в рамках блока социалистических стран” (с. 114). Не обошёл вниманием М.А. Липкин и противостояние дипломатов и Министерства внешней торговли (МВТ) по вопросу о целесообразности вступления “в переговоры с немцами (имеется в виду ФРГ. – Г.К.) о заключении предложенного ими межправительственного торгового соглашения” (с. 219–221). Безусловно, на конечный выбор политического курса влияла позиция главы государства, и в этой связи заслуживает внимание раздел книги, в котором впервые в деталях разби-

рается история Московского экономического совещания (МЭС), проходившего 3–12 апреля 1952 г. (с. 172–228). “В тактическом плане, – верно полагает автор, – главным достижением МЭС был пропагандистский эффект конференции, приведший, несмотря на все бойкоты и противодействия, к всплеску конфиденциальной переписки (вплоть до тайных переговоров в Копенгагене с делегацией западногерманских фирм!) с прямым или косвенным участием представителей правительств западноевропейских стран. Однако, видимо, когда сторонники конфронтации с Западом опять стали брать верх в советском руководстве, Кремль сам дезавуировал часть своей инициативы, отвергнув во второй половине 1952 г. поступившие на волне МЭС предложения развивать торговлю товарами массового потребления” (с. 227).

На примерах продуманного и тщательно взвешенного анализа упущенных шансов и возможностей вхождения СССР в европейские интеграционные процессы построена вся монография М.А. Липкина. Так, “погружаясь в атмосферу справок и прогнозов 1956–1957 гг.” (с. 286), он показывает, что в это время оценку международных экономических процессов в Западной Европе “отличало более спокойное и вдумчивое отношение к предмету” (с. 279). Год 1960-й автор справедливо называет годом “надежд и разочарований” (с. 302). Надежды были связаны с намеченным саммитом великих держав в Париже, “где в мае планировалось достичь соглашения по ключевым вопросам международных отношений” (с. 303), а разочарования – с тем, что после известной истории со сбитым над советской территорией американским самолётом-разведчиком и арестом пилота-лётчика Ф. Пауэрса, оказавшейся “отравленной стрелой накануне ожидавшейся решающей встречи” (с. 319), делегация СССР во главе с Н.С. Хрущёвым саммит этот бойкотировала. “Трагическая история этого неудачного саммита, – заключает М.А. Липкин, – есть история обратной стороны излишней персонификации внешней поли-

тики в формате “встреч в верхах”... Всё зависело от личных качеств лидеров, и в этой ситуации Никита Сергеевич дал волю эмоциям, вместо того чтобы проявить выдержку и стратегическую мудрость” (с. 318–319). Показав, причём наглядно, поместив в книгу полученную в архиве РГАНИ¹ “Общую схему капиталистической интеграции в Европе”, датированную 1969 г., равно как и детально остановившись на многочисленных заключениях экспертных комиссий “прагматиков” из МИД и Института Мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) конца 1960-х гг., М.А. Липкин делает заслуживающий внимания вывод о возросшем реализме советских экспертов и о “желании понять и перенять наиболее сильные стороны интеграции” (с. 483). На этом фоне специальное внимание в монографии уделено тому, как советское руководство попыталось перенять западноевропейский опыт, впервые заговорив в брежневскую эпоху об экономической интеграции “применительно к социалистическому содружеству” (с. 419) и признав “необходимость копирования её на Востоке” (с.479), сделав “ставку на модернизацию СЭВ до уровня ЕЭС” (с. 490). По мнению М.А. Липкина, “первую пятилетку внешней политики команды Л.И. Брежнева” можно считать предопределившей “успех “высокой разрядки” в начале 1970-х годов” (с. 495).

Ценность рецензируемой книги М.А. Липкина состоит и в том, что в ней приводится множество заслуживающих внимания фактов и авторских рассуждений и комментариев. Например, о том, что СССР “не выдвинул никакой реальной общеевропейской альтернативы в 1947–1951 годах” (с. 161), и что в 1952 г. “многообещающий великий замысел перестройки европейских и мировых торговых отношений не был реализован в полной мере... из-за явного противоречия между проводимой Сталиным анти-

западной кампанией внутри страны и попытками создать благоприятный образ СССР в мире” (с. 226). Или о “сенсационной инициативе” СССР, заявившего 31 марта 1954 г. “о своей заинтересованности вступления в НАТО” (с. 237); или о “революционных и потому попавших под сукно” предложениях Комитета Информации МИД от 1957 года о возможности участия советской стороны в Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС) (с. 312). Наконец, не лишено оснований замечание о том, что после первого предложения рассмотреть возможность участия в ГАТТ (с 1995 г. – ВТО), исходившего от МИД в 1960 г., у Советского Союза был шанс начать переговоры о вступлении в ВТО “на 35 лет раньше, чем это начала Российская Федерация” (с. 347). Стоит оценить и принять введённый М.А. Липкиным термин “паутинная” концепция безопасности в Европе применительно к анализу “Предварительных соображений” к переговорам советского руководства с де Голлем в 1966 г. (с. 454).

Подводя итог, хочется посочувствовать М.А. Липкину в том, что многие архивные документы были для него недоступны по причине “закрытости” архивов, прежде всего в нашей стране, но и отчасти за рубежом. И в то же время ему надо отдать должное за скрупулёзность поиска, умение сравнивать и аргументировать собственные выводы “сводя концы с концами” различных, порой обрывочных документов. Естественно, не хватает в книге привлечения документов из американских архивов, но тут надо заметить, что своей монографией М.А. Липкин открывает исследовательское поле продолжателям разработки обозначенной им проблемы.

Г.Н. Канинская, д.и.н., профессор,
зав. кафедрой всеобщей истории
ЯрГУ им. П.Г.Демидова.

¹ Российский государственный архив новейшей истории (бывший Архив ЦК КПСС).